

1611 г. — Шуйские были для москвичей воспоминанием, а не активной политической силой, находясь в польском плену, да и среда, в которой возникла песня, не была враждебна Шуйским. Песня Джемсова сборника не ставит безличного обвинения против бояр, как это делают песни о смерти Скопина, долго бытовавшие в массах,¹ она обвиняет в ней двух определенных бояр:

А расплаютца гости москвичи:
 «А тепере наши головы загибли,
 Что не стало у нас воеводы,
 Васильевича князя Михаила».
 А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
 Мьстисловской князь, Воротынской,
 И между собою они слово говорили,
 А говорили слово, усмехнулись:
 «Высоко сокол поднялся
 И о сыру матеру землю ушибся».

Если Воротынский попал в песню потому, что именно на пиру у него Скопин почувствовал себя плохо, и естественно было подозревать хозяина дома в соучастии в заговоре на жизнь Скопина, то для обвинения в том же Мстиславского нужны были какие-то особые условия, когда обвинение в смерти воеводы, на которого московское население возлагало надежды на избавление государства от смуты, получало многозначительный смысл.

Такие условия как раз сложились во второй половине 1611 г., когда, по свержении Василия Шуйского, власть, попавшая снова в руки московской аристократии, возглавлялась князем Мстиславским, ставшим во главе временного правительства, именовавшего себя общею формулою: «бояре князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи». Это — так называемая «семибоярщина», в которой первыми лицами были Мстиславский и Воротынский». ²

¹ Напр., в сборнике Кирши Давилова и «Печорских былинах» Ончукова (№ 5, 60, 81).

² Б. А. Алборов приводит такую причину для объяснения присутствия имен Мстиславского и Воротынского в песне Джемсова сборника: «Воротынский и Мстиславский не случайно фигурируют в песне; они, оказывается, больше других бояр имели основание ненавидеть Скопина, ибо, находясь в числе главных воевод, терпели поражения в то время, когда Михаил Васильевич одерживал победы или удачно выходил из затруднительного положения» (Песни о М. В. Скопине-Шуйском. Изв. Сев.-кавк. педаг. инст., т. II, 1924, Владикавказ, стр. 140). Предположение автора теряет почву, раз песня появилась значительно позже смерти Скопина, когда автор не считал нужным сводить старые счеты настолько, что не упомянул даже Шуйских. Вообще, песня сочинена не в мемуарном плане.